

Жизнь замечательных людей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сергей Виноградов

18+

Сергей Владимирович Виноградов

Жизнь замечательных людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70468072

SelfPub; 2024

Аннотация

Пути господни неисповедимы. Перед вами сборник рассказов и новел юмористического и мистического жанров. Есть такое выражение: что наверху, то и внизу. Тут всё сплетается воедино и вырисовывается совершенно фантастическая картина мира. Иногда даже невольно хочется зажмуриться от яркости красок и бешенных скоростей. Приятного чтения.

Содержание

Человек с солнечными усами	4
ТРИ X	12
Слово, которое пишется с большой буквы	20
Рождественские беяши	32
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Виноградов

Жизнь

замечательных людей

Человек с солнечными усами

Денис Витальевич Стародубов и его усы – явление в своём роде уникальное! Два – в одном, можно сказать. «Пху-пху-пху» – когда Денис Витальевич смеётся, то его практически из-за усов-то и не видно. Вы можете заметить только ямочки, которые должны бы находиться на щеках – а они просто висят в воздухе над усами! Ему где-то под пятьдесят или чуть больше, точно определить невозможно – из-за усов. А усы у него, надо сказать, знатные. Густые, соломенные и тяжёлые. Они выстреливают из-под носа и замирают на некотором расстоянии. Почти параллельно полу. Подобно радуге. Как литые! Да если бы Денис Витальевич хотел, он мог бы запросто снимать ржавчину с металла, просто поведив усами по поверхности, тронутой коррозией. Зачистил бы до чистого металла! Всё блестело бы! Но это уже дело не царское. Есть специально обученные люди с инструментом, и всё такое. У нас – не об этом.

Каждое утро он... Да что мы будем опускаться до баналь-

ного описания будней Дениса Витальевича! Давайте лучше посмотрим на мир его глазами. Увидим реальность такой, какой видит её он сам. Это гораздо увлекательней, уж поверьте. Итак, едва продрав глаза, он удивлённо смотрит по сторонам и мычит. Мир ещё не обрёл резкость и выглядит мутным пятном перед глазами. Не важно, следствие это вчерашнего фуرشета, или же он просто не выспался. Главное – резкость никак не наводится. Тогда Денис Витальевич шевелит усами, смывая сонную муть, как дворниками с лобового стекла пока ещё недружелюбной действительности. Всё проясняется. Далее следует ряд стандартных утренних процедур, и Денис Витальевич оказывается с портфелем на улице. Потом скорость происходящего резко возрастает – как в ускоренной кинохронике: какие-то яркие огни, спуск, снимок внутреннего убранства вагона с сонными пассажирами, холод и морозящий дождь, турникет, хлопок двери...

А далее – как в компьютерной игре. Знаете, когда сам герой остаётся за кадром, а видны лишь его руки с пистолетом или ружьём. Только в нашем случае никакого ружья, упаси бог, нет. Двигутся – кончики усов! Они стремительно, но плавно, без резких движений, как на быстрой вагонетке в шахте, натягивают на себя коридор за коридором, лестницы и холлы, лифты и переходы. Двигаясь по лабиринту здания, он поворачивает то правым, то левым усом в нужном направлении, они же выполняют и роль поворотников для тех, кто следует за ним. Ему навстречу попадают люди и слышит-

ся шипящее и хлёткое «сссьте». Денис Витальевич только и успевает отстреливаться низкочастотным и трубным «до-у-тр», при этом кончики усов то и дело опускаются в пол, а шипящие люди, проплывают мимо и исчезают за спиной.

Наконец перед усами распахиваются двери, и Денис Витальевич оказывается в просторном и светлом помещении. Усы задерживаются возле вешалки, потом огибают стол с компьютером и опускаясь чуть ниже, замирают. Перед усами загорается экран.

– УУУ-ОХХО! – раздаётся громоподобный раскатистый гул из-под усов. Именно так Денис Витальевич воспринимает собственную речь. Но для окружающих всё звучит вполне себе членораздельно. Данный же набор звуков означал:

– Ну-с, что у нас случилось плохого?

– Да всё в порядке, Денис Витальевич, пока всё спокойно. Рано же ещё, – отвечает ему коллега, чей стол располагается напротив, по левую руку. Это Николай, менеджер по закупкам, человек лет тридцати.

– ОБАО! – гудит пароходом Денис Витальевич, – «вот и славно», – при этом усы колышутся, как от настоящего трубного рёва.

Так кем же трудится человек и пароход Денис Витальевич? Бизнесмен? Не-ет, не похож. Может быть чиновник? Упаси боже! А может, он вообще следователь по особо важным делам? – Ну вы уж совсем... Честно говоря, мы и сами-то толком ничего сказать не можем. Знаем только, что

это довольно крупная контора, связанная с перевозками, таможенными делами. Похоже на транспортную компанию. Логистика -одним словом. А Денис Витальевич там не самый последний человек. Может быть даже, начальник отдела. Его телефон не умолкает ни на секунду, к нему постоянно приходят с какими-то бумагами, которые он скрупулёзно просматривает и подписывает. Или не подписывает. Он смотрит на происходящее из рубки большого парохода и гудит, когда требуется.

В кабинете появляется дама, она подплывает к пароходу и подаёт ему какие-то документы. Денис Витальевич принимает из рук дамы бумаги. Дама начинает говорить и останавливаться, видимо, не собирается. Денис Витальевич не любит, когда посторонние раздражители отвлекают его от изучения важных документов. Он прижимает верхнюю губу к носу, и дама исчезает в зарослях, а звуковые волны, издаваемые ею, гасятся плотной стеной усов, частично отражаются, и наконец наступает долгожданная тишина. Капитан парохода достаёт большой морской бинокль и вглядывается в предоставленные документы, как в бескрайние морские просторы. Он переворачивает страницу за страницей. Потом откладывает бинокль и опускает верхнюю губу. Дама вновь появляется в поле зрения, а вместе с ней и непрерывный звуковой поток. Денис Витальевич ставит резолюцию на документе и протягивает шумной посетительнице. Та, улыбается в ответ, убирает бумаги в папку и удаляется из кабинета.

Долго ли коротко ли, но время неизбежно подходит к обеду. Денис Витальевич не ходит в столовую, а обедает прямо на месте. Всё носит с собой – для этого, собственно, и портфель. Там ни какие-нибудь-то там бумаги... – Тьфу! Мы не из таких! Там – баранки, кефир, булочка и конфеты! Ну, и много ещё чего интересного – о чём мы вам не скажем. Он трубным зовом оповещает коллег, что время обеда настало и идёт ставить чайник. Коллеги же имеют склонность иногда ходить в столовую, но в этот раз остались в кабинете – много работы навалилось. Молодёжь – она такая: сбегает между делом и перекусят. А Денис Витальевич относится к этому делу очень серьёзно. Как к документам. С многоуровневым подходом. А любит он очень крепкий и сладкий чай вприкуску с чем-нибудь. Сегодня вот – с баранками.

– УУАЙС БААМЫ...ЫЫЫХ-ХА! – Гудит Денис Витальевич. Что буквально означает: «Люблю, знаете ли, чайку с баранками выпить. Не дурно ведь, милостивые государи, не правда ли?!». Коллега, что сидит напротив по правую руку на мгновение пропадает – это Денис Витальевич весело подмигивает сослуживцу правым глазом. Перед кончиками усов начинает подниматься пар, и в поле зрения ненадолго появляется стакан в подстаканнике с почти чёрной жидкостью, потом опускается под усы, и они начинают колыхаться. Это Денис Витальевич дует на горячий чай. Раздаётся характерный хруст, и сидящие перед ним по обе руки коллеги начинают попеременно то исчезать из вида, то вновь появляться.

Денис Витальевич активно работает челюстями, громко перемалывая баранки.

После обеда краски тускнеют, мир становится чёрно-белым, и время замедляет ход. Ничего уже не радует глаз, и бинокль уже доставать не хочется. Всё и так видно. Сплошная рутина. Денис Витальевич ходит по кабинетам и медленно беседует с сослуживцами, растягивая время.

Наконец рабочий день естественным образом заканчивается. Перед усами гаснет экран компьютера, вешалка, двери кабинета... Площадка перед лифтом... несколько дам, не дожидаясь, спускаются по лестнице. Кстати, в учреждении среди дам ходят слухи, что своими усищами Денис Витальевич способен защекотать женщину до беспамятства. Поэтому дамы не рискуют ездить с ним в тесном лифте, а предпочитают дожидаться следующего или воспользоваться лестницей. Естественно, кому ж охота попасть в столь щекотливое положение посреди или даже после рабочего дня! До него доходят подобные слухи, но он этому только рад – есть ещё порох в пороховницах. Он просто улыбается под усами, глядя, как дамы, едва завидя его возле лифта, ускоряются и, делая вид, что спешат по делам, направляются к лестнице.

Далее опять следует компьютерная игра с вагонетками, коридорами и поворотами – только гораздо медленнее. И вот тут-то Денис Витальевич жалеет, что у него в руках нет ружья. На такой малой скорости он бы наверняка попал! Тут он уже не отстреливается как утром, а просто, встречая лю-

дей, поджигает губы. Хлопок двери, яркое вечернее солнце, турникет... Свобода.

Денис Витальевич никуда не спешит, он направляется к парку. В портфеле остался кефир и булочка. Усы ориентируются по звуку: обычно в это время в парке играет духовой оркестр. Вот и сейчас он слышит попури из старых советских комедий в исполнении престарелых музыкантов, стариков-разбойников, как он их называет. Под усами расцветает улыбка. Денис Витальевич садится на скамейку, достаёт кефир и с наслаждением насыщается. Потом встаёт, достаёт булочку и кормит птиц. В лучах предзакатного солнца усы становятся полупрозрачными и насыщаются золотом. Да тут к тому же ещё и золотая осенняя листва красок добавляет.

Метрах в десяти от Дениса Витальевича останавливается молодой человек в длинном сером плаще. Он пристально всматривается в Дениса Витальевича, недолго о чём-то размышляет и достаёт блокнот с ручкой.

– Солнце капает с усов прямо на ботинки... – записывает он в блокноте, тихонько проговаривая вслух, – да, надо бы ещё и про молоко на золотых усах, млечный путь в отдельно взятом индивиде возле метро... Это я удачно зашёл. Начало положено, день прожит не зря...

А Денис Витальевич даже и не подозревает, что стал источником вдохновения для молодого поэта. Ему невдомёк, что, возможно, где-то на просторах интернета, а, может быть даже, и в печатном издании, он появится в виде некого обра-

за, и люди будут думать о нём, не зная его имени и отчества.

Далее следует медленный спуск, тусклый снимок вагона с усталыми лицами, долгая дорога домой.

Вечерний чай. Неспешная суeta перед сном. Стены перетекают в потолок, ноги задираются на спинку дивана. Из-за усов торчат кончики больших пальцев ног и верхний край экрана телевизора. Вечерние новости. Потом всё гаснет, и Денис Витальевич с его выдающимися усами перестаёт существовать как вид до следующего утра.

19 ноября 2022 г.

ТРИ Х

Алексей Григорьевич Стаханов рано утром 1 сентября собирался на работу, как вдруг что-то его стукнуло, и он полез в шкаф.

– Ба! Да у меня тут плащ висит! В прошлом году купил. Ни разу не одёванный, ещё с биркой. Вот в нём-то и пойду. Отличный чёрный плащ! Стильный и с карманами, – пробубнил Алексей и посмотрел на болтающегося под ногами кота. Кот многозначительно мяфкнул.

– Ну вот и славненько! И котикшко согласен. Значит, быть по сему!

Алексей побрился, позавтракал и вышел на улицу. Было пасмурно и плащ был как нельзя к месту. Он шёл и как ему казалось, шуршал на всю улицу. Но что такое? – Все на него пялились! Да-да, он ловил на себе сначала удивлённые, а потом и восхищённые взгляды прохожих. Барышни провожали его долгим заинтересованным взглядом. Он это чувствовал! Что за невидаль! «Ну да ладно, – успокаивал он себя, просто ещё не проснулся толком, вот и мерещится всякое. Желаемое за действительное».

Алексей спустился в метро, зашёл в вагон и взялся за поручень. Девочка, сидевшая напротив, тут же поднялась и тронула его за руку:

– Садитесь, пожалуйста, – с невыносимой искренностью

заглянула она ему в глаза. Алексей поначалу замешкался, но послушно сел. «С чего бы это? Я вроде бы ещё не старый и отнюдь не беременный... Какого лешего мне девочки места уступают? – недоумевал он».

– Ну надо же, какой вы замечательный человек, – прошептал сидящий рядом мужчина, – мне, право, даже не ловко с вами сидеть, какая честь! – он встал, демонстративно откланялся Алексею и вышел на станции.

«Что за чёрт?! Вот и эта тётка глаз с меня не сводит, так и зыркает... И остальные поглядывают в мою сторону. Может я побрился неаккуратно, или плащ испачкан? – оглядел себя Алексей, – нет, всё в порядке, надо книжку достать». И он углубился в чтение до самого выхода.

Алексей прошёл через проходную завода и побрёл к своему цеху. Он шёл и невольно ловил на себе любопытные взгляды сослуживцев, поёживаясь от них как от морозящего дождя.

«Подумаешь, эффектный чёрный плащ. Мне что, до дрожи не терпится показаться на публике? Вовсе нет! Но как скрыть от любопытных глаз его вопиющую новизну и не показать буруевую меня радость обновления? Да ничего меня не буруевует! Внести некоторую небрежность в отношении к вещам? Надо как-то неброско, но эффектно повесить его на плечико и закрыть дверцу шкафа. Как будто ничего и не было! Само собой разумеющееся действие и ничего больше! Да что это за ребячество на меня нашло?! Веду себя как школь-

ник в первый день после долгих каникул. Ерунда какая! Так дело не пойдёт! Да что за мысли у меня сегодня? Может не с той ноги? Вот уже и пришли. Сейчас поднимусь по лестнице, быстро проскользну в гардеробную, переоденусь – и всё кончится!».

Но не тут-то было! Оказалось, что и в своей рабочей униформе он не утратил внезапно свалившегося на него обаяния. В конструкторском бюро, где он работал, вдруг все стали обращать на него внимание, чего раньше не наблюдалось, или же он этого просто не замечал. «Неотразим», «восхитителен», «мне очень нравится», «как мы раньше не разглядели», – выхватывал он из разговоров фразы сослуживцев, невольно записывая их на свой счёт. Алексей прекрасно понимал, что эти эпитеты могут вовсе не иметь к нему никакого отношения, но они предательски прилипали к нему, и отлепиться никак не получалось. «А, может, так было всегда, а я просто не замечал? Был серой мышью, голову не поднимал, а на самом деле... Да... дела, – напряжённо думал Алексей, – чудны дела твои, господи».

– Лёха, у тебя что сегодня – юбилей?! – развёл руками коллега.

– Да-нет, с чего ты взял-то? – удивился Стаханов.

– Да ты просто светишься сегодня, впрочем, как и всегда, но сегодня – особенно!

– Нет, всё в порядке, обычный день... – устало улыбнулся Алексей, – уж я бы предупредил.

И так – весь день!

После обеда Стаханов мыл руки в туалете и услышал за приоткрытой дверью женский голос:

– Таня, ты просто не представляешь, как он великолепен! Он просто душа! Я в изумлении!

Надо ли говорить, что в свете сегодняшних событий, Стаханов, естественно всё принял на свой счёт. Он вытер руки бумажным полотенцем и вышел за дверь. В коридоре щебетала по телефону Мария Ивановна из соседнего кабинета.

– Я просто изумлена! Всё, Таня, пока-пока. – убрала она телефон в карман куртки и, встретившись взглядом со Стахановым, игриво спросила:

– А вы, Алексей, были когда-нибудь в изумлении?

Стаханов откашлялся и растерянно стал себя осматривать: свитер, брюки, туфли – всё вроде чистое, ничего не торчит.

– А как же, Марь Иванна. Вот, не далее, как в прошлую субботу, прогуливаясь я, знаете ли, в Александровском саду, и вдруг вижу на скамейке лежит зажигалка и десятирублёвая монетка рядом. Я так изумился, что аж руки вскинул! Ещё бы не изумиться – зажигалка-то оказалась рабочая! Да и десять рублей – оно завсегда приятно найти! Изумительно! – Алексей по-монашески сложил на груди руки, смиренно закатил глаза к потолку и похлопал бровями.

– Да ну вас, Алексей, вечно вы всё опошлите. Я же серьёз-

но... – изобразила обиду Марь Иванна и высоко подняв голову зацокала по коридору.

«А чего это я, собственно, теряюсь? – подумал Алексей и направился к сисадмину».

– Я бы хотел изменить свой адресок и фамилию в адресной книге, – обезоруживающе улыбнулся Алексей.

– Для Вас, Алексей Григорьевич, всё что угодно! – выпрямился по стойке «смирно» сисадмин, – как именно желаете изменить?

– Можно мою фамилию прописать с тремя буквами «Х». Чтобы было «СтаХХХанов». Три икса... Понимаете? Мне кажется, я заслуживаю. И в электронном адресе тоже тройное «hhh».

– Ха-ха-ха! – рассмеялся сисадмин, – понимаю. Типа – раз начальство не повышает, так я повышу себя сам! Ловко вы придумали! Думаю, ничего страшного не произойдёт. Они если и заметят, то только посмеются, а может быть и на ус намотают. Да ради бога! Для Вас, Алексей Григорьевич, – что угодно! Сказано – сделано. Вот, готово дело! – внёс он исправления, – наслаждайтесь величием!

Алексей остановился у своего подъезда и в нерешительности замер: огоньки на домофоне не горели. Такое уже было на прошлой неделе. Он потрогал дверь, и она легко поддалась – нет тока! – Сцуко! Второй раз за месяц! И в соседних домах – та же картина – нигде не горит свет, хотя ещё и

рано... Просто стучают двери без всяких звуковых сигналов. Да! – И самое главное – на двери подъезда был прищпандорен скотчем лист бумаги, на котором красовалось выведенное чёрным маркером небрежное «УВЫ!» с многоточием в конце. Что-то зачастили с авариями! Начитанные нынче пошли господа электрики: ласково и весьма лаконично выражаются. Не успели что ли на принтере напечатать? – И тут – Ба-бах! «А что мне делать вечером... Да не только мне – и коту? Ему-то хорошо: он всё и так в темноте видит, а мне что: ужинать при свечах? Ну, сортир при свечах – это, конечно, завораживающе и романтично. Даже, я бы сказал, – есть в этом некий шарм и элемент таинственности... А чтение при свечах? – Да это вообще способствует моментальному взрыву гениальности и росту мудрости! Нужно во всём искать плюсы. Но как-то противно, согласитесь?».

Алексей устало разделся, приласкал кота и поставил чайник на газ. «Хорошо хоть газ не отключили! Бедные немцы! Хотя, чего их жалеть – немцы они и есть немцы – изначально ущербные существа, которые много о себе... Стоп! Это неправильно. А чего неправильно-то? Так, собственно, оно и есть! Мелюзга! Бу-бу-бу! И премьер у них – лысый и мнения своего не имеет... Вот была у них Меркель: барышня не эффектная, с точки зрения красоты, но весьма рассудительная... Ладно, что с них взять – они всего лишь немцы. Европейцы, по сути, люди-то подневольные, пришибленные, можно сказать... Будем снисходительны к нашим бра-

тьям меньшим». Он побродил по квартире, полистал книги пока было светло. Ничего не хотелось! Поговорил с котом «за жизнь» и решил грохнуться спать – утро вечера мудренее.

А утром всё заработало! Алексей включил телевизор, полистал было новости, удручённо почесал подбородок – и всё выключил! Наскоро позавтракал, поговорил с котом и стал собираться на улицу. – Естественно, в чёрном плаще!

На двери подъезда уже была приклеена официальная информация, датированная задним числом. Как-никак, а перед жильцами-то надо как-то оправдываться. «А, всё-таки, хорошо, что я три икса придумал. Назад пути нет! Будем следовать тем же курсом. Ура!».

Но, как ни странно, влияния вчерашнего своего обаяния на окружающих он уже не чувствовал. Люди как-то поутреннему хмуро и обыденно на него реагировали. Просто проходили мимо – без всякого восхищения! Просто безобразие! И это не смотря на шуршащий на всю улицу плащ! Скотство, да и только! Какая вопиющая невнимательность! «Ну да ладно, всё возвращается на круги своя, – размышлял Алексей Григорьевич, в конце концов – я всего лишь обыватель. Таких, как я, хороших людей... Ну, подумаешь, конструктор на крупном предприятии. И что? Да кто я такой, собственно? Ишь, чего о себе возомнил... В нашей сумбурной реальности может и не такое привидеться. Вот вчера не было доступа к информации – и что? Да ничего! Сегодня

посмотрел телевизор, полистал новости... – Да тьфу на них! Как оплётанный себя чувствую! На меня и на миллионы таких как я – просто накакали без всякого зазрения совести с их абсолютно непогрешимой стороны! Нет, в наше сюрреалистичное мрачное и тёмное время со спёртым воздухом... Чтобы ощутить свежий воздух реальности... Да! – Нужно окунуться в русские народные волшебные сказки!!!»

Сказано-сделано. Алексей Григорьевич Стаханов, он же «три ХХХ» забурился в «Буквоед» и принялся расхаживать вдоль стеллажей с книгами.

На кассе он выложил толстенное красочное издание. Две барышни многозначительно переглянулись. Алексей сиятельно, но скромно улыбаясь, расплатился и вышел.

– Видала, Люда, какой мужчина?! Просто красавчик! – пропела одна из кассирш.

– Да уж! В самом расцвете сил! Прямо как Карлсон! Хи-хи-хи! И кому такое счастье, интересно, подвалило?..

15 октября 2022 г.

Слово, которое пишется с большой буквы

«Совсем недавно ко мне вдруг пришло осознание того, что такое Человечность в истинном свете, – осторожно водил по щекам опасной бритвой Иван Карлович. – Казалось бы, ну что тут особенного: все мы – люди, все мы – человеки... Это всем известно с детства. Но то, что открылось мне, имело совсем другой контекст. Человечность открылась мне в совершенно другом ключе. И писать это слово с маленькой буквы я уже не смогу никогда. Это качество предстало мне явлением совершенно иного порядка, совершенно не связанного с обычной действительностью. Я просто однажды проснулся совершенно Человечным человеком. Знаю, сейчас вы, возможно, начнёте ёрничать по этому поводу: «Самый человеческий человек». – Прямо как Ленин. Не-ет... Бери выше – как ледокол Ленин! Маяковский дважды бы застрелился, пытаюсь описать мою сущность в своих угловато-восторженных стихах. Более того, я чувствую себя к тому же ещё и абсолютно химически чистым человеком: не каким-нибудь там чистым реактивом для анализа Ч.Д.А., а, бери выше, – ОС. Ч., то есть особо чистым, с жёлтой полосочкой на лбу! Да что там – слеза младенца по сравнению с моими помыслами и человеческой сущностью покажется вам обычной водопро-

водной водой».

Иван Карлович насухо вытерся полотенцем, щедро побрызгался одеколоном и похлопал себя по щекам. Вот и сегодня, проснувшись ни свет не заря, первое, что ему пришло в голову было: «Ах, как же всё-таки, замечательно, что я не таксидермист! И не ассистент помощника младшего менеджера в крупной газодобывающей компании! Я всего лишь простой инженер на обычном машиностроительном предприятии. Пусть и не семи пядей во лбу, звёзд с неба не хватаю, но всё же уважаемый в узких кругах специалист. Да и пядей во лбу за последнее время заметно поубавилось... Редуют пяди, возраст берёт своё. И пусть себе редуют – Человечности от этой досадной неизбежности меньше не становится».

Иван Карлович с аппетитом позавтракал, выпил чашечку кофе, взял портфель и вышел на улицу. Он с огромным изяществом влез в переполненный автобус, ограничившись лишь парочкой ударов коленом в зад вульгарно карабкавшейся вверх по ступенькам пожилой особы, для приличия бормоча в сторону что-то вроде «ой, простите великодушно». Извиняясь направо и налево, он растолкал локтями облепивших стойку поручня расфуфыренных девиц, ошалевших от такой прыти почтенного гражданина. Он блаженно улыбался, глядя на проносившиеся мимо утренние улицы, игриво считал оставшиеся ему до работы остановки. Настроение самое что ни на есть человеколюбивое! Ещё бы! Пред-

праздничный день, впереди три выходных – красота, да и только!

С трудом вырвавшись на своей остановке и вдоволь наслушавшись оскорбительных эпитетов в свой адрес, Иван Карлович остановился прямо посреди толкучки у самых дверей автобуса и не торопясь стал поправлять помятую шляпу. И тут на тебе! – Прямо по его левому ботинку смачно прошёлся какой-то явно невоспитанный тип, при этом ещё и позволив себе выругаться в его адрес, что нефиг мол загораживать проход. Иван Карлович оглянулся на этого получеловека и добродушно плюнул ему на спину. Двери закрылись, и автобус укатил прочь. «Вот же ж люди, – без тени возмущения в голосе тихо проговорил он, достал из портфеля губку и протёр испачканный ботинок, – но что делать? Приходится как-то сосуществовать бок о бок с примитивными формами жизни. Но мы же с Вами выше всего этого, не правда ли?». Иван Карлович достал папироску и закурил, отойдя в сторонку.

На проходной он как обычно, приветливо приподнял шляпу перед охраной и плавно проплыл через турникет. С тех пор как чувство глубочайшей Человечности поселилось в душе Ивана Карловича, ничего мирское его больше не раздражало – ему решительно всё нравилось. Вот дождик заморосил, а ему всё нипочём: «неприятность эту мы переживём» – напевает он песенку из любимого мультфильма.

Войдя в фойе своей заводской конторы, Иван Карлович чуть не напоролся на стоящую кверху задом Марию Семё-

новну, которая копошилась в картонной коробке, набитой доверху канцелярскими принадлежностями. Выпрямившись, Мария Семёновна приветливо и с надеждой в глазах поздоровалась с Иваном Карловичем:

– Иван Карлович, как хорошо, что я вас... – запыхалась она, – я знаю, вы не откажете. Ведь вы же не поможете мне до лифта... Правда ведь, не поможете? – умоляюще дышала она в его сторону.

– Совершенно верно, Мария Семёновна! Не откажу. Истинная правда. Конечно, не помогу! О чём речь! – дружелюбно продекламировал Иван Карлович и проследовал к лестнице.

Мария Семёновна осталась стоять с открытым от удивления ртом.

– Научитесь сначала чётко формулировать свои мысли, – поднимаясь по лестнице, бубнил Иван Карлович, – какова просьба, таков и ответ.

Иван Карлович делил рабочий кабинет с двумя коллегами: Николаем Ефимовичем, человеком предпенсионного возраста, специалистом по сплавам, и Степаном Григорьевичем, молодым человеком, инженером-технологом по направлению сборки. Когда он вошёл, сослуживцы уже разливали свежесваренный кофе. Иван Карлович поприветствовал коллег, повесил на плечико пальто, пристроил на вешалку шляпу и налил себе чашку ароматного напитка.

– А что, коллеги, давайте что ли под кофеёк новости по-

смотрим: что там без нас за ночь в мире произошло, – сунул в розетку шнур Николай Ефимович. Старенький телевизор на холодильнике разогрелся не сразу. И как на зло вляпались в утренний выпуск криминальных новостей.

Молодой репортёр скороговоркой верещал что-то о ночном происшествии в коммунальной квартире. По всему было видно, что ночью там произошло массовое побоище с алкогольной подоплёкой. Он всё время тыкал микрофоном в побитую физиономию потерпевшего, принуждая несчастного к унижительным объяснениям. Тот всё время пытался увернуться от навязчивого мохнатого предмета, отмахивался руками. Но репортёр-то был опытным – от такого, даже ссаными тряпками не отмахаться. И когда потерпевшего совсем припёрли к стенке, тот на мгновение замешкался и, видя, что отступать уже некуда, глубоко вздохнул, развёл руками и начал:

– А что мы?.. Мы ничего! Сидели тут вечером с товарищами по работе, тихо беседовали. А тут они врываются! Представляете? И главное, безо всякого на то разрешения вдруг начинают избивать нас ногами! Просто ужас какой-то! – искренне возмущался потерпевший. Откуда-то с боку в камеру влезла потрёпанная женская голова с синяком на пол-лица:

– Это просто возмутительно! В собственном доме! Без всякого приглашения!..

– Коля, выключи это. Нельзя же прямо с утра такую мерзость... – взмолился Иван Карлович, – это же чудовищно!

– Не просто чудовищно, но ещё комично, коллеги! – Надо же, какое коварство! Главное, «без всякого на то разрешения», – затрясся от смеха Степан, – ну, это уж совсем, согласитесь, ни в какие ворота не лезет!

– Да уж, – улыбнулся Иван Карлович, – ну ладно бы с разрешением – никто бы и слово не сказал – а тут на тебе! Просто вопиющий случай. Куда мир катится!

Коллеги ещё немного посмеялись, допили кофе и расселись по своим рабочим местам.

После обеда к Ивану Карловичу пришла Люда, из конструкторского отдела, только после института. Глаза на выкате – того и гляди разревётся. С рулоном чертежей под мышкой.

– Иван Карлович, он не подписывает! – пожаловалась она, – третий раз уже переделываю.

– Что вы говорите, ну давайте посмотрим, что тут у вас, – Иван Карлович разложил чертежи на столе и принялся их изучать, – а вы присаживайтесь, Людочка, присаживайтесь. Кажется, я всё понял. Так-так-так, с чего бы начать-то? Чаю хотите? Степан, налей-ка барышне чаю, нам потолковать надо.

Степан послушно бросился к чайнику и заварил в кружке пакетик.

– Знаете в чём ваша проблема? В ваших чертежах нет души! Да-с. Надо больше Человечности вкладывать. Вы же – барышня! А у вас какие-то мертвяки получаются. Углова-

тые... а резкие кромки просто глаза режут, бездушные куски металла, так и веет от них могильным холодом. А фасочки где? Людочка, надо больше фасочек! Больше радиусов скругления, побольше фигуристости! Вы же дама! Уж в фигуристости-то должны знать толк! Для чего это нужно, спросите вы? Мертвым железякам – всё равно. Таким деталям и ломаться не в падлу, а уж ржаветь – так им вообще за счастье. А вы вложите в них душу, поделитесь частичкой своей Человечности. Жизнь – она заразная штука, помните об этом! Придайте деталЮшкам Человечности, – а она неотделима от инстинкта самосохранения. Заразите их жизнью через придание природных форм. Вы видели когда-нибудь прямоугольную планету? Вот. То-то же. Едва заметные глазу скругления, фасочки и прочие хитрости, которые совершенно никак не будут влиять на качество изделия в сборке... Но спроектированные вами деталЮшки будут служить дольше, поверьте моему опыту. А Эдуард Кириллович не подписывает знаете почему? Вы его рожу видели? Он в ваши чертежи как в зеркало смотрится! А этого он делать очень не любит, уж я-то его давно знаю. Этакий усечённый конус, причём абсолютно правильной формы. Как по линейке его делали! Ну не любит он свою физиономию! Получается, что вы его вроде как дразните. Понимаете? Ну вот и славненько, – по-отечески погладил Иван Карлович Людочку по голове, – сделайте как я вам сказал. Он всё равно нюансов не заметит, но почувствует себя лучше, может человеколюбие в нём

проснётся. Ну, всё, идите и попробуйте – не пожалеете.

Людочка заметно повеселела, но опять чуть не расплакалась, только уже от радости.

Когда воодушевлённая Людочка убежала, Степан с иронией в голосе обратился к Ивану Карловичу:

– И что это вы в последнее время всё про человечность толкуете? Раньше вы как-то без неё обходились. – Иван Карлович ничего не ответил, лишь пожал плечами, – вот в новостях, – продолжил Степан, – сами же видели – сплошная чернуха. А вы всё о какой-то мифической человечности...

– Ты, Стёпа, лучше бы помолчал и послушал знающего человека. Сидел бы тихонько да на ус наматывал. Да, не всё у нас красиво и гладко, согласен... Но, как говорится, нас еб...простите, Иван Карлович, – склоняют к сожительству, а мы...

– А мы крепчаем! – с воодушевлением резюмировал Степан.

– Ах, если бы, молодой человек, если бы... – грустно поднял глаза Иван Карлович, – мы – повизгиваем! В большинстве своём. Увы и ах! Вот если бы в нас была хоть малая толика Человечности, мы бы горы могли свернуть! Да что горы – тьфу на них! Чудеса бы могли творить!

– Да что вы, в самом деле, заладили «человечность да человечность»! Что это вообще такое? С чем её едят? Какого она цвета? И чем она пахнет наконец?!

– Так сразу и не объяснишь: она либо есть, либо её нет во-

все. Её, Стёпа, совсем не едят! Это невозможно. Хотя дикари-каннибалы и наивно верят, что можно. Что касается цвета... Человечность – просто белая (по земным меркам). Но её истинный белый цвет земными глазами не увидишь, он абсолютный, ослепительный для человеческого глаза. Запаха нет, ибо субстанция эта (скорее, не субстанция, а качество) не имеет ничего общего с атомами и молекулами. Мне почему-то хочется сравнить её с запахом чистенького новорождённого поросёночка, или с запахом парного молока. Но это мои субъективные ощущения. Ладно, коллеги, сегодня короткий день, пора и честь знать, – засобирался Иван Карлович.

После работы Иван Карлович решил заскочить в ближайший торговый центр. Там сегодня по акции давали какие-то новомодные гаджеты. Но вот не задача: охрана на входе пускала только по два-три человека. Народу столпилось уже приличное количество. Рядом со входом возле водосточной трубы пристроилась компания маргинальных личностей. Молодые люди курили и распивали пиво. Громко о чём-то спорили, нецензурно выражаясь. Иван Карлович встал в очередь. Один из молодых людей отделился от товарищей и вплотную приблизился к Ивану Карловичу. Он тронул его за рукав и дыша перегаром заговорил:

– Эй, папаша, за нами будешь! Отойди-ка в сторонку и не загораживай проход. Усёк?

Иван Карлович сначала было попятился, но потом собрав всё своё человеколюбие в кулак, ткнул наглого верзилу в грудь портфелем:

– Поостыньте-ка молодые люди! Вы как со старшими разговариваете? Или преподать вам урок человеколюбия?

– Приятели верзилы заметно оживились, побросали окурки, поставили бутылки на асфальт и направились к товарищу. Только один остался наблюдать, опираясь о водосточную трубу рукой. Он, по-видимому, у них был главным. Но тут, к счастью, подросла охрана и бузотёров оттеснили от Ивана Карловича. Охрана чётко дала понять хулиганам, что вход для них сегодня закрыт.

– Ну ты дед попал, в натуре. Зуб даю, мы тебя дождёмся! – злобно потирали руки хулиганы. За нами не заржавеет, мы подождём. С места не сдвинемся пока тебя не встретим! Вот тогда и поговорим о человеколюбии! – орал тот, что опирался о водосточную трубу.

– Что ж, молодые люди, – лукаво и с хитрецей в глазах улыбнулся Иван Карлович, – ловлю вас на слове. Подождите-ка чуток. Может поуспеете. Вы ещё не знаете с кем связались. Никуда не уходите. – ехидно погрозил дед и исчез в торговом центре.

Иван Карлович вышел через другой вход. А на четвёртый день после рабочего дня он застал всю ту же копанию на том самом месте, где и оставил их накануне выходных. Грязные, заросшие молодые люди остались в совершенно тех же по-

зах, в каких он и распрощался с ними. Их главный жалобно скулил, всё силясь оторвать руку от водосточной трубы. Колени его постоянно подкашивались, и он то и дело опускался в лужу собственных нечистот. Потом кое-как вставал и всё повторялось снова. Остальные товарищи по несчастью полусидели, полулежали у стенки, опираясь на мокрую штукатурку и невнятно что-то мычали. Некоторые беззвучно плакали. Иван Карлович подошёл поближе и по-отечески ласковым голосом начал:

– Надо же! Какие вы молодцы! Дождались меня всё-таки. Не скажу, что не ожидал, но всё-таки, это сильно. Вот она – воля к победе – в чистом виде! Соскучились по мне?

– Отпусти...те нас пожалуйста отсюда. Мочи уже нет никакой. Даже собака с полицией ничем не смогла помочь...

– То, что слово своё сдержали и дождались меня здесь – это конечно похвально. Ну, поговорим о Человечности и человеколюбии, или вы уже и так обо всём догадались? Хотите лекцию прочту?

– Не надо лекций, мы всё поняли, мы домой хотим...

– То-то же. Это напомнило мне старый рассказ Л. Пантелеева. Хороший и поучительный рассказ. «Честное слово» называется. Там про мальчика одного. Очень честный мальчик оказался: не ушёл со своего поста. Советую почитать как-нибудь на досуге. Так вот, господа, вы своё слово сдержали, приказываю оставить вверенный вам пост! Вы свободны! Расползайтесь восвояси! Всего доброго. – Раскланялся

Иван Карлович и исчез в неизвестном направлении.

Хулиганы застонали от облегчения и медленно поползли к остановке.

27 октября 2022 г.

Рождественские беляши

Утром третьего января Витя Ёжиков впервые в этом году полностью открыл глаза. Он с удивлением уставился в потолок и улыбнулся. Ну надо же – ничего не болит, голова не раскалывается, даже не тошнит почти. Господи, хорошо-то как! Он пошевелил конечностями – вроде всё в порядке, руки-ноги целы. Только правая ступня как-то подозрительно чешется. Последнее, что он более-менее членораздельно помнил, это прошлогодние предновогодние хлопоты. Потом были гости, потом ещё кто-то приходил... Пару раз он просыпался, похмелялся (об этом позаботился заранее) и снова ложился спать. Виктор сел на кровати и попытался почесать правую стопу. Там что-то было. Какое-то непонятное углубление, а в нём нечто похожее на...

Он вынул ногу из-под одеяла и ошарашенно уставился на стопу. В центре стопы в аккурат под пяткой открылся глаз! И заморгал! «Что за чертовщина! – похолодел Витя, – неужели белка догнала?». Он протёр глаза и снова посмотрел на ногу. Глаз никуда не делся.

– Да что же это такое! – не узнал своего голоса Виктор, – так не бывает! – Бил себя по коленям несчастный. Потом отхлестал себя по щекам.

А глаз всё моргал и поглядывал не понятно куда. Наконец Виктор взял себя в руки и встал с кровати. «Ходить вроде не

мешает. Он походу сам рефлексивно закрывается, когда я на ноги встаю, и моргает тоже, – Витя сел на стул и снял тапок». Он сосредоточился и открыл свой новообретённый глаз. Потом закрыл его. Попробовал ещё. «Значит, он часть меня, а не что-то инородное. И я могу его контролировать. Да, но я ничего им не вижу». Виктор интуитивно закрыл глаза и открыл глаз на стопе. И прозрел! Он первый раз в жизни видел ногой! Плохо то, что глаз не может двигаться, и приходится водить ногой, чтобы навести его на тот или иной предмет. Очень необычное ощущение. Это вам не двумя глазами смотреть. Это – моно-зрение! Как камера смартфона: узкий вертикальный прямоугольник с изображением. Цветовая гамма тоже другая. Будто смотришь через жёлто-оранжевые очки, на чёрно-белый мир. Да... Ну, дела...

В это же самое время пенсионерка Кузнецова вскрикнула «Ох!» и проснулась. Она свесила ноги с кровати и закрыв лицо ладонями замерла. Ещё бы не вскрикнуть! Во сне к ней явился сам преподобный Серафим Саровский! Святой повелел Кузнецовой к завтрашнему утру напечь беляшей по его оригинальному рецепту. Преподобный поведал способ приготовления, список продуктов и велел, как проснётся, тут же всё записать. Наказал встать на углу Владимирского проспекта и Кузнечного переулка, рядом с Собором Владимирской иконы Божией Матери, и угощать беляшами всех, кто пожелает. Цену не назначать, а если будут давать деньги, то не отказываться. Напоследок старец благословил её, осенил

крестом и отбыл в неизвестном направлении. Кузнецова нашла ручку, свой старый ежедневник, в который она записывала показания счётчиков, и принялась воспроизводить то, что надиктовал ей преподобный старец. Это было не трудно. Слова преподобного будто впечатались в мозг. Список оказался внушительным. Но делать нечего – придётся исполнять наказ святого старца. Она благоговейно достала из-под ночной рубашки крестик и поцеловала его.

«А как же я буду печь-то со своим артритом? – сокрушалась пенсионерка, – пальцы-то ведь совсем не гнутся, суставы все опухли и болят... Ну да ничего – с божией помощью справимся как-нибудь». Кузнецова за три захода закупила всё, что нужно. От внука осталась большущая термосумка, он раньше курьером подрабатывал, доставщиком еды. Вот и пригодится завтра. Ближе к вечеру пенсионерка приступила к стряпне. Как ни странно, боли в суставах прекратились, опухшие суставы пришли в норму, а потом и опухли как не бывало. Закончила она уже после полуночи. Получилась почти полная сумка, килограмм на пятнадцать. «Придётся такси вызывать. Ну, да ладно. Всё-таки благое дело сделала, на такое и денег не жалко, – устало улыбнулась старушка, – а теперь можно и поспать, завтра будет тяжёлый день, надо пораньше встать».

Утром пенсионерка Кузнецова распечатала на принтере постер с ликом преподобного Серафима. Обернула полиэтиленовой плёнкой и намертво приладила скотчем к термосум-

ке. Рядом разместила листок, тоже обёрнутый в плёнку, на котором маркером аккуратно была выведена надпись «Беляши по рецепту преп. Серафима Саровского. Угощайтесь на здоровье». Вызвала такси, спустилась на лифте с тяжелой сумкой и стала ждать машину. Когда та приехала, она попросила водителя помочь с поклажей, поблагодарила и указала, куда ей надо ехать.

Виктор привёл себя в порядок, побрился и через силу позавтракал. «Что же мне теперь делать, куда обращаться по поводу этого новообразования? В поликлинику? Но там сейчас никого нет. Может, сидит кто-нибудь на телефоне и посылает всех подальше: вызывайте, мол, скорую. Скорую вызывать точно не буду. Что я им скажу? Эврика! Надо идти в травмпункт! Он всегда работает. Врачи там опытные, много чего повидали необычного, может что и посоветуют. Завтра утром пойду. – рассуждал Виктор». Он ещё потренировался с новым глазом. Вполне освоился. «Когда-то я мечтал, чтобы у меня открылся третий глаз. Читал специальную литературу, даже какие-то техники практиковал. И вот – на тебе! Получите и распишитесь, пусть с опозданием и не там, где надо, но всё-таки открылся! Видимо, сполз пока я спал, – закурил Виктор на кухне, – как теперь дальше жить? Год начался весьма оригинально – ничего не скажешь».

В последнее время Виктора занимал один вопрос: что произойдёт, если сфотографировать спящего человека? Что

происходит на тонком уровне? Например, человеку снится сон, а его в это время фотографируют. Отобразится ли на плёнке что-нибудь? Ведь фотографируют же призраков. Как это может повлиять на спящего? Он очень бы не хотел, чтобы его запечатлели спящим – прямо какой-то животный страх испытывал. Даже повесил доску над кроватью, покрыл её золотой краской и написал поверх чёрным «Зона свободная от фото и кинохроники», под которой разместил две наклейки – перечёркнутые фотоаппарат и кинокамера – такие в некоторых учреждениях висят, их и в музеях встретить можно.

Предчувствуя предстоящую бессонную ночь, Виктор решил как следует подустать, он вышел из дома и решил измотать себя пешей прогулкой – отправился пешком по направлению к центру города. А это почти два с половиной часа ходу. Он специально не взял проездной и деньги, чтобы не было соблазна воспользоваться общественным транспортом. Витя шёл и размышлял о хрупкости этого мира. Пока он валялся в похмельном полусне перед глазами, сменяя друг друга, проплывали яркие образы, которые сводились к одному. Он нечаянно что-то разрушал. Например, ему сильно хотелось пить, а в бокалах из тонкого стекла была живительная влага, и как только он брал в руки очередной бокал, тот сразу крошился у него в руках. Никак не получалось аккуратно взять его в руку, толи силу не мог правильно рассчитать, или ещё чего, но бокал неизменно лопался. А вот он уже на каком-то юбилее в новом дорогом костюме, кругом полно на-

роду. Вносят огромный фигурный торт. Витя нечаянно задевает торт локтем, торт складывается пополам, и часть кондитерской конструкции обрушивается прямо ему на пиджак. Народ разочарованно гудит и разводит руками: «Витя, ну как же так?». Ему хочется провалиться сквозь землю от стыда. А ещё очень жалко испорченного пиджака, который, естественно, теперь не отстирается. А теперь ему уже показывают искусно выполненные макеты старых церквей из деревянных зубочисток. Просто шедеврально выполнено! Витя ходит и восхищается. Но пол покрыт скользкой для его обуви плиткой. Он поскользывается и чуть не падает, но успевает опереться обо что-то. Это что-то хрустит и рассыпается по постаменту. Всё! Нет больше великолепно выполненного макета старого храма, сложился под его тяжёлой рукой. В общем всё в таком духе. «Того и гляди, что мир рассыплется на части, стоит только не туда наступить – и всё разлетится на тысячи осколков. Я слишком неуклюж для этого хрупкого хрустального мира. Надо как-то поаккуратней. Полная дисгармония и несоответствие. Надо найти какой-то ключ или знак, подсказку. Главное, распознать! – Витя напряжённо всматривался во всё, что попадалось ему на пути, но ничего стоящего его внимания пока не попадалось».

Подустать Виктору, надо сказать, удалось на славу. Он же кроме алкоголя несколько дней ничего толком и не ел. Насилу до дома дошёл. Но зато голова прояснилась. А вот уснуть, несмотря на усталость ему в эту ночь так и не удалось. Так

и пролежал до утра с тремя закрытыми глазами. И опять всё у него рушилось, разбивалось и уплывало прямо из рук. Он наскоро позавтракал, взял документы и пошёл в травмпункт.

«Представляю, что сейчас будет... Наверняка, доктор будет в шоке, – саркастически улыбался Виктор, сидя напротив кабинета в ожидании своей очереди».

– На что жалуетесь, у вас травма? – дежурно спросил доктор, – куртку можно повесить на вешалку.

– Не совсем... Понимаете, я вчера проснулся утром после праздников, а у меня вон что, – стараясь говорить как можно спокойней, Виктор стянул носок. Открыл газ и для правдоподобия поморгал им. Доктор издал нечленораздельный звук и попытался улыбнуться, но у него получилась какая-то кривая гримаса – смесь ужаса и брезгливости. Он скорбно вздохнул и прошептал, думая, что его не услышат, но Витя услышал:

– Всё. Больше ни капли. – шипел змеёй доктор.

– Понимаете, доктор, я вижу этим глазом. Прада только, если закрою глаза. Зрение как бы переключается на ножное.

– Ну хорошо, а от меня-то вы что хотите? – горько сглотнул доктор, и у него невольно потекли слёзы. Он сконфузился, достал платок и вытер глаза. – Я не знаю, что это такое, это нигде не описано, мне сдаётся, такого вообще никто не видел. Откуда я знаю – может, вы вообще мне только кажетесь... Я не верю...

– Я вам не кажусь! Хватит от меня отмахиваться. Я реален

как никогда. Хотел спросить вашего совета: что мне с этим делать?

– Ну не знаю я! Не знаю! – застучал врач кулаками по столу, – оденьте! Оденьте немедленно носок! Это же просто невыносимо! – закрылся он ладонью от Виктора и отвернулся к окну.

– Может показать кому... – робко поинтересовался Виктор, натягивая носок. Он сунул ногу в ботинок и выжидательно уставился на доктора. На того просто страшно было смотреть: он весь как-то осунулся и сдулся.

– Знаете, что вы только что сделали? Вы просто обрушили мир, к которому я привык! Всё! Финиш! Разорвано в клочья всё моё мировосприятие! Уже нет той стройной картины мира – вы своим третьим глазом растоптали все постулаты! Что делать, вы спрашиваете? А я вам скажу, что делать! – Никому это не показывайте! Особенно врачам! Вас просто растащат на атомы! Или ногу отрежут, засунут в банку со спиртом – и в кунсткамеру. Или студентам будут показывать. А может сделают вывод, что эта мутация есть последствия перенесённого ковида. Да-да, новый штамм! Вы болели ковидом? Нет? Тогда придумают новую болезнь и назовут, скажем, – «подпяточная циклопия». Напишут кучу монографий и научных работ. Нет-нет, скорее вас просто утилизируют от греха подальше, чтобы избежать шумихи... Мой вам совет. А теперь уходите, ради бога, прошу вас. Не мучайте меня, мне ещё пациентов принимать, а меня трясёт не по-детски. Уходите!

Виктор вышел из травмпункта и закурил. Он, конечно, ожидал бурной реакции, но слова о кунсткамере и утилизации слышать было не очень приятно. Домой идти не хотелось и он решил прогуляться по нарядному центру. Спустился в метро и поехал.

Побродил по Невскому, свернул на Владимирский и увидел странную картину. Какая-то бабка возле Владимирского собора торговала беляшами. Не просто торговала, а кого-то даже бесплатно угощала. И громко призывала попробовать беляши от преподобного Серафима Саровского. «Вот это – да. Такого мне видеть ещё не приходилось, – удивился Виктор». Он подошёл поближе и стал наблюдать за экстравагантной старушкой.

Прохожие останавливались и с интересом подходили к бабке. Некоторые качали головами и крутили пальцем у виска, другие, наоборот, брали по несколько штук, и почти все без исключения совали ей деньги. Давали по-разному: кто полтинник даст, кто сотню протянет, а кто-то и мелочью. Видно, она стоит уже давно – меньше, чем полсумки осталось. Из оттопыренных карманов торчали уголки купюр, а мелочь она ссыпала в кармашек на сумке, он тоже был почти полон. «Не плохо она поднялась на имени преподобного Серафима, – подумал было Виктор». Подошла пожилая пара. Мужчина скептически поглядел на изображение святого на сумке с беляшами, а женщина разговорилась с торговкой.

– И что, правда помогает? – спросила женщина.

– Ещё как! У меня вот ещё вчера пальцы не гнулись совсем – артрит. Я пока пекла, всё и прошло. Как и не было ничего, – поведала торговка, – истинный крест!

– А скажите, от радикулита поможет? – покосилась она на своего спутника.

– Пренепременно! Должно помочь. Даже не сомневайтесь. – заверила Кузнецова. Женщина толкнула своего спутника. Тот нехотя достал кошелёк, женщина ловко выудила из бумажника пятисотрублёвую купюру и протянула торговке. Та набрала в пакет сколько влезло и протянула покупательнице. Мужчина неодобрительно покачал головой. Когда пожилая пара проходила мимо Виктора, он услышал недовольное ворчание:

– И что ты такая легковёрная. Да во времена Серафима Саровского и беляшей-то никаких не было. И тут – здрасьте-пожалуйста! По рецепту преподобного Серафима. Он же травой вроде питался...

– Да ладно тебе. Хватит ворчать. Хуже уж точно не будет. – улыбнулась его спутница.

Из храма вышел батюшка и направился напрямиком к старушке. Видно, и до него слухи дошли.

– А у вас беляши, простите с чем? – поинтересовался он.

– С говядиной и целебными травами. – с опаской уставилась она на него.

– Не хорошо, матушка. Сейчас же рождественский пост, а вы тут прямо возле храма верующих соблазняете, с пути

истинного сбиваете, не хорошо это... Да ещё и именем почитаемого в народе святого прикрываетесь.

– Да я же не по своей воле, батюшка. Так мне велено было. – жалобно заскулила старушка и поведала батюшке о ночном визите преподобного старца и о его наказе. Батюшка скептически покачал головой и ушёл обратно в храм.

«Похоже это оно и есть – то, что я искал. Ключ-подсказка. Надо взять несколько штучек пока не разобрали, – решил Виктор». Но только он решился было подойти, как из храма стремительной походкой вышел батюшка и направился к торговке. Он огляделся по сторонам, достал из кармана скомканный пакет и протянул удивлённой старушке:

– Мне штук десять, пожалуйста. – сказал батюшка, – столько хватит? – вынул он из кармана двести рублей.

– Я цену не назначаю, кому сколько не жалко... – взяла Кузнецова деньги. Она наложила беляшей в пакет и протянула батюшке. Тот отвернулся и суетливо стал прятать пакет за пазуху, боязливо оглядываясь по сторонам. Тут из-за угла появились два полицейских и возникли перед торговкой.

– Так, гражданочка, нарушаем?.. – вальяжно улыбнулся старший, потирая в предвкушении руки. Батюшка обернулся, быстро подошёл к нему и приветственно улыбнулся. Он поздоровался с ними за руку – видимо, они были знакомы, отвёл их в сторону, они поговорили. Старший снова пожал батюшке руку и пожал плечами:

– Ну, раз такое дело, то не будем вам мешать. – сказал

полицейский. Стражи порядка развернулись и направились в другую сторону.

– Спасибо вам большое. – благодарно улыбнулась старушка.

– Ничего-ничего. Это свои, торгуйте на здоровье. – сказал батюшка и посеменял к храму.

Виктор подошёл к старушке и спросил:

– У вас беляши ещё остались?

Она посмотрела в сумке.

– Почти все разобрали. Три штучки осталось. Возьмёте?

– Конечно возьму. А скажите от третьего глаза поможет?

– И от сглаза должно помочь. Почему нет?

– Не от сглаза, а от лишнего глаза...

– Простите, я не понимаю, что это. Может не от лишнего, а от дурного?

– Да-да, именно от дурного, внезапного и лишнего глаза.

– Не сомневайтесь, молодой человек. Раз уж от я артрита избавилась, то и с вашим недугом преподобный Серафим поможет справиться.

Виктор вручил Кузнецовой триста рублей и забрал пакетик с беляшами. Он поблагодарил торговку и отошёл в сторону. Кузнецова с распухшими от купюр карманами свернула опустевшую термосумку и вызвала по мобильнику такси.

Когда она уехала, Виктор достал и съел один беляш. «А что, очень даже недурственно, – отметил он, – но будет ли эффект?».

Вечером с чаем Витя Ёжиков доел два оставшихся беляша и пришёл к выводу, что теперь придётся быть намного осторожней. Отбросить все излишества, покончить с загулами – не то ещё ухо под мышкой вырастет. Заняться здоровьем, физкультурой, если хотите. – Профилактикой! «Главное теперь не загреметь в больницу! А то правда в кунсткамеру, чего доброго, попаду, – резюмировал он, – вот с завтрашнего дня и начну. А что делать с глазом? – Да ничего не делать! На свете мало найдётся людей с настоящим третьим глазом, если вообще найдётся. Должна же быть у меня хоть какая-то изюминка! Будем жить с этим. А беляши у бабки всё-таки знатные получились!».

19 января 2023 г.

Происки нижнего мира

Коротко стриженный молодой человек остановился на дорожке в дальнем углу парка и огляделся. Убедившись, что людей поблизости нет, он сошёл с дорожки и углубился в заросли. Побродил меж деревьев и остановился между трёх сосен, которые росли, если провести между ними линии, в вершинах равностороннего треугольника. Он снял с правой ноги кроссовок и носок, закрыл глаза и стал водить ногой над землёй как металлоискателем. Переходил с места на место, не покидая пределы треугольника, и продолжал поиски. Через полчаса он обулся и закурил в задумчивости. Видимо, что-то нащупал и теперь переваривал информацию.

Прошло уже полгода, как у Виктора Ёжикова после но-

вогодних праздников в центре стопы открылся самый что ни на есть настоящий третий глаз. Виктор стал экспериментировать с новым органом зрения и через какое-то время заметил, что нижний глаз может работать подобно рентгену. Он закрывал глаза и водил ногой над поверхностью, в голове возникала картинка: он видел пустоты, чувствовал изменение плотности, ощущал пористость, в некоторых местах затхлость, а также наблюдал некое глубинное шевеление. Иногда появлялось и звуковое сопровождение. По мере накопления опыта Виктор научился видеть ногой даже без разувания, но тогда картина получалась размытой, хотя в общих чертах понять было можно. И раз уж провидение наградило его нижним зрением, то и смотреть надо вниз. Нижний мир ничуть не хуже среднего или верхнего. Нечего ногу кверху задирать – не царское это дело, да и растяжка не позволяла. Так и штаны порвать не долго. Постепенно он стал на «ты» с нижним миром и научился выуживать оттуда ответы на интересующие его вопросы.

Виктор работал сисадмином в небольшой торговой компании. Выглядел он соответствующе: худой, долговязый, строгие очки в массивной чёрной оправе, короткая стрижка, узкие укороченные джинсы, такие, что лодыжки сверкали при ходьбе, пиджачок, опять же коротковатый и слегка помятый, с модными некогда заплатками на локтях, футболка, едва доходившая до пупа. Типичный такой молодой человек лет двадцати семи. Общительный, любил подшутить

над кем-нибудь. Но с недавних пор, как только развернётся какая-нибудь дискуссия о политике ли, курсе доллара или на социальные темы, он неизменно оказывался прав. Причём его прогнозы сбывались буквально в течении недели, так что его высказывания по тому или иному вопросу забывать сослуживцы просто не успевали. – Но это только, ежели прогнозы носили негативный характер. Если же Виктор не чувствовал плохой исход, он просто отмалчивался, мол, пожвём увидим или отмахивался, дескать, бог его знает. Его так и прозвали за глаза – человек с социально опасной интуицией. Бывало, подходит он к курилке, а сослуживцы уже между собой и шепчутся: ну вот, сейчас опять Витя накаркает гадость какую-нибудь.

А в тот день между трёх сосен Виктор действительно нащупал нечто важное. Даже испариной покрылся. Какое-то смутное бесформенное ощущение. Некая идея, нуждающаяся в дальнейшей кристаллизации и формулировке. А пока что он чувствовал лишь холодный серебряный привкус во рту и сперва лёгкий, но постепенно набирающий силу вихрь в голове. Возможно, при сканировании нижнего мира с ним на контакт вышло некое древнее редкоземельное существо, и от него он принял пока ещё не совсем внятный посыл. Информация переполняла его, громко пульсировала в черепной коробке и распирала грудь. Её надо было как-то структурировать, облечь в чёткую логическую цепочку и обозначить именем.

Виктор прибегнул к своему старому проверенному способу – медитации. Каждый день в течении двух недель он медитировал по два часа в день: час утром перед работой и час вечером перед сном. Постепенно пришло понимание, что ему придётся скрестить подчас совершенно не связанные между собой понятия, даже во многом противоположные. Детская непосредственность и наивность, сдобренная сознанием собственной правоты, элементы обезоруживающей женской логики, старческий маразм, нотки шизофрении, безудержное веселие с лёгким непринуждённым налётом здорового абсурда, вирусология и прочие энциклопедические знания, а также физика и высшая математика, программирование... Да... Задача, прямо скажем, непростая! Но вот однажды утром Виктор проснулся с готовым решением. Слово вертелось у него на языке, и он наконец произнёс: – Сла-бо-у-мие! – В точку! В противовес набившему оскомину искусственному интеллекту я создам искусственное слабоумие! Для равновесия, так сказать. Вирус искусственного слабоумия! Как тебе такое, Илон Маск? – Виктор аж подпрыгнул на кровати от своего открытия.

Озарение – это конечно хорошо, но как осуществить столь гениальную задумку? Прежде всего надо выстроить алгоритм, написать кучу программ, опять же – аппаратное оформление.

На всё про всё ушло почти полгода. Больше всего времени было потрачено именно на алгоритм. А когда он был го-

тов, написать программы не составило особого труда. В железе Виктор разобрался, и прибор был собран в течение месяца. Он состоял из модернизированного планшета и пульта управления направленного действия, наподобие пульта от телевизора. Дальность действия составляла порядка десяти метров. Надо было просто направить пульт на атакуемый компьютер. Стены для прибора помехой не являлись. Причём, если в помещении находились несколько компьютеров, то воздействовать можно было избирательно, направив пульт на один из них. Остальные же компьютеры продолжали работать в штатном режиме. Очень полезное качество. Работало же устройство следующим образом: перехватывался сигнал основного интернет-трафика, пропускался через специальную программу в планшете, подвергаясь изменениям согласно алгоритму, и выдавался на атакуемый компьютер.

Когда чудо-устройство было готово, Виктор принялся за испытания. Достал с полки свой старый ноутбук, который пылился без работы уже несколько лет, вышел в интернет и включил свой генератор слабоумия. Набрал в поисковике первое, что пришло ему в голову и, когда тот выдал ему ответ, разразился неудержимым смехом. Это было потрясающе! Он сам не ожидал такого поразительного эффекта. Глупее – просто невозможно было придумать, надо же, как перелопатил его алгоритм выдаваемую информацию. Нарочно не придумаешь! Что ж, лабораторные эксперименты, можно сказать, прошли успешно, теперь пора переходить на круп-

номасштабные промышленные испытания и обкатку.

Днём ИКС Виктор выбрал пятницу. Во-первых, за выходные страсти поулягутся, во-вторых, в конце рабочей недели всё можно списать на усталость, и на разборки вряд ли кто-то пойдёт – отложат до понедельника. Первым объектом атаки Виктор выбрал Светлану Васильевну, руководителя отдела одного из направлений продаж. Даму весьма заносчивую и высокомерную. У него с ней давно были тёрки. С тех пор, как её назначили на руководящую должность, она сильно изменилась. Например, никогда не упускала возможности унижить подчинённых и показать, где их место. А Виктора считала обслуживающим персоналом и обращалась к нему исключительно по фамилии, причём на «ты». Рабочий стол Светланы Васильевны размещался возле окна, напротив входной двери. Она сидела за компьютером спиной к окну, а по правую и левую руки вдоль стен располагались рабочие столы её подчинённых. По два с каждой стороны. Таким образом, все сотрудники всегда были у неё на виду.

Виктор подошёл к двери кабинета, огляделся и достал пульт. Планшет был спрятан в специально пришитом для него внутреннем кармане пиджака. Встал напротив двери, направил пульт на рабочее место Светланы Васильевны и нажал кнопку активации. Через некоторое время из кабинета послышался недоумённый визгливый голос начальницы:

– Что это такое?! У меня комп походу глючит! Невозможно работать в таких условиях! Где этот чёртов очкарик? Ка-

терина вызови немедленно Ёжикова! Где этот бездельник ходит? У меня план срывается! – визжала она.

Тут у Виктора завибрировал мобильник (звук он специально отключил, чтобы не спалиться). Виктор отошёл в сторону и услышал в трубке, что у Светланы Васильевны возникли проблемы с компьютером, просят подойти. Виктор помедлил пару минут, постучал в дверь и вошёл в кабинет.

– Ёжиков! Что это такое? Тебе за что тут деньги платят? У меня тут какая-то ерунда творится! – верещала она.

– Ну, во-первых, Светлана Васильевна, деньги мне платите не вы, а во-вторых – что у вас случилось? – спокойно спросил Виктор, чем ещё больше раззадорил спесивую даму.

– Да я вот набрала в поисковике улицу Чапаева, мне там одну фирму надо найти, а он вон что выдаёт, полюбуйся! Это же ни в какие ворота! Детский сад какой-то! Не поленюсь, сейчас распечатаю, – возмущалась она, – почитай, что он мне выдал, – протянула она ему распечатку.

Виктор взял листок, пробежался глазами по тексту и беззвучно затрясся от смеха, прикрывая ладонью рот.

– А что? Мне нравится, написано всё верно, – ехидно улыбался Виктор.

Он выставил ногу вперёд и начал читать вслух:

– «В. И. Чапаев (выделено курсивом и подчёркнуто) – герой гражданской войны, начдив. Он был за красных и храбро сражался с белыми. У него была шашка и маузер. Чапаев обычно воевал на улице (выделено курсивом и подчёркнуто)»

то), потому что в помещениях тогда воевать было не принято, – ведь они же все были на лошадях. Жили бойцы очень бедно, и Чапаеву приходилось объяснять им тактику на картошках, ведь интерактивных карт тогда ещё не придумали. Погиб В. И. Чапаев тоже на улице (выделено курсивом и подчеркнуто), его подлю подстрелили белые, когда он переплывал речку Урал. В честь Чапаева названы многие улицы и учреждения. А также он вместе со своими друзьями Петькой и Анкой являются героями множества смешных анекдотов, про него даже кино сняли. Улица Чапаева находится на Петроградке, если идти по улице Куйбышева, то – первая от моста, там ещё крейсер «Аврора» неподалёку стоит...», – Виктор положил листок на стол Светлане Васильевне, – а что? По-моему, исчерпывающая информация. Всё доходчиво объяснено. В чём проблема-то?

– Это? Исчерпывающая информация? – зашипела Светлана Васильевна. Но тут же сменила тон и жалобно заскулила:

– Витенька, ну сделай же что-нибудь, пожалуйста.

Барышни, наблюдавшие эту сцену в кабинете, просто тряслись от смеха за своими столами.

– Ну хорошо, сейчас всё исправим. Видимо сбой какой-то произошёл на линии. Сходите пока кофейку выпейте, успокойтесь. А я тут посижу поколдую. Приходите минут через десять, – успокаивал он присмирившую фурию.

Когда Светлана Васильевна покинула кабинет, он уселся за её компьютер и для правдоподобия постучал по клави-

шам. Нащупал в кармане кнопку на пульте и выключил прибор. Компьютер заработал в нормальном режиме.

Через пять минут Виктор громко с облегчением выдохнул и откинулся в кресле Светланы Васильевны, заложив за голову руки.

– Ну вот, готово. И стоило из-за ерунды панику поднимать? Делов-то на пару минут, улыбнулся он барышням. Те с уважением посмотрели на мастера.

– Вы, Виктор, просто профи, – кокетливо заулыбались девушки, – житья от неё нет, совсем нас затюкала, даже пасьянс разложить некогда...

– Да уж, – потянулся Виктор, – пасьянс – и тот не дают разложить, безобразие... Да таким зверствам даже фашисты своих узников не подвергали. Ничто так не развивает способность видеть затылком, как занятие ерундой на рабочем месте.

В разгар веселия в кабинет вошла уже успокоившаяся Светлана Васильевна. Девушки мгновенно спрятали улыбки и уткнулись в свои мониторы.

– У меня всё готово, принимайте работу, Светлана Васильевна, – Виктор встал с её кресла, – пробуйте.

Она села на своё место и набрав что-то в поисковике, озарилась благодарной улыбкой:

– Какой же вы молодец, Витенька, дружок. Прямо спасли. А что это было? – поинтересовалась она.

– Да так... Небольшой сбой. Сегодня же пятница, все вы-

мотались за неделю. Кто-то у них там не на ту кнопку нажал, – показал он пальцем вверх, – но я всё исправил, работайте на здоровье.

Светлана Васильевна ещё раз поблагодарила Виктора. Тот в ответ хмыкнул и пожал плечами:

– Всегда к вашим услугам. Обращайтесь, если что.

Он весело подмигнул девушкам и вышел из кабинета. Им ещё не приходилось видеть свою начальницу в таком добром расположении духа.

Следующей в его списке значилась главбух Наталья Николаевна. А это уже намного опасней: у неё был отдельный кабинет рядом с приёмной генерального директора, была опасность нарваться на кого-то из руководства. Виктор активировал прибор выждал несколько минут пока поблизости никого не было, потом спрятал его в карман и направился к кофейному автомату у приёмной директора. И только он было пригубил латте, как из приёмной пулей вылетел Всеволод Эмильевич, генеральный директор, с распечаткой в руках и чуть было не налетел на Виктора.

– А! Добрый день, Виктор! – выпалил Всеволод Эмильевич на ходу, не отрываясь от распечатанного документа, и громко дыша от возмущения, направился к кабинету главбуха, – ну, Наталья Николаевна! Ну, удружили. Нет, это просто какое-то издевательство...

Всеволод Эмильевич с силой дёрнул за ручку и прикрыл за собой дверь. Виктор на цыпочках подошёл к двери Натальи

Николаевны и прислушался.

– Наталья Николаевна! Что это такое?! Потрудитесь-ка объяснить! – зашуршал он бумагой, протягивая ошалевшей Наталье Николаевне распечатку, – вы что издеваетесь надо мной?!

– Да я... Я вам только что переслала этот отчёт. Что не так, Всеволод Эмильевич? – испугано выпучила она глаза и вжалась в кресло.

– Что не так, вы спрашиваете? Может, вы не здоровы? Почитайте что вы мне тут наваяли.

– Обычный отчёт... Ой! – сунула она в рот палец.

– Вот именно – «Ой!». Покажите мне оригинал.

– О боже! Я этого не писала! Оно само! Я тут не причём, Всеволод Эмильевич, да я бы никогда...

– Исправляйте при мне!

Наталя Николаевна удалила все непотребности и заново набрала: генеральный директор ЗАО «Светоч» Козловский Всеволод Эмильевич, вписала нужные цифры в ячейки таблицы и сохранила документ.

– Распечатайте!

Всеволод Эмильевич подошёл к принтеру и взял распечатку. Пробежался по документу глазами и побагровел:

– Вы опять за своё?

– Да я же при вас набирала! Это что-то с компьютером, наверное... Надо Виктору позвонить.

– Не надо куда звонить, я его тут у автомата видел.

Виктор быстро отбежал от двери к кофейному автомату и демонстративно стал дуть на своё латте. Дверь кабинета приоткрылась, и высунулась голова директора:

– Виктор, можно вас на минутку?

– Что-то случилось, Всеволод Эмильевич?

– Именно. У нас конец месяца, Наталья Николаевна надо... В общем у неё что-то с компьютером, посмотрите пожалуйста.

Виктор зашёл в кабинет.

– Что стряслось, Наталья Николаевна?

– Вот! – протянула она ему распечатку, я набираю как обычно, а он вон что выдаёт, – обиженно надула она губы.

– Да... Козлоногий упырь ЗАО «Сволочь» Козловский Всеволод Эмильевич... А напротив ячейки «итога» другим шрифтом – «отчень много деняк, и не сосчитать», – прочитал Виктор вслух, нарочно подчёркивая искажения. Всеволод Эмильевич брезгливо скорчил физиономию от услышанного и поёжился.

– Как вы думаете, что это? – спросил директор.

– Это? Происки нижнего мира, – нечаянно вырвалось у Виктора, но он тут же осёкся, – скорее всего какой-то сбой у провайдера, а может хакеры балуются. Я вам защиту поставлю. У Светланы Васильевны тоже сегодня нечто подобное было. Я исправил. Вы погуляйте пока, а я разберусь тут, хорошо?

– А это надолго? – встала Наталья Николаевна с кресла.

– Минут за десять управлюсь.

– Ладно, Наталья Николаевна, не будем мешать профессионалу, – сказал Всеволод Эмильевич, – пусть человек работает, пойдёмте.

Когда они вышли, Виктор выключил прибор и перезагрузил компьютер. «Ну вот. Теперь мой авторитет вряд ли кто-то будет оспаривать, можно и прибавку попросить, – развалился он в кресле, – хорошо сегодня поработал».

Наталья Николаевна, понятное дело, была безумно благодарна Виктору и обещала замолвить за него словечко перед начальством.

В конце рабочего дня Виктор убрал своё детище в рюкзак и тут вспомнил про беляши. Да-да, те самые, которыми бабка под рождество торговала, по рецепту преподобного Серафима Саровского. Полгода прошло с тех пор, а он – нет-нет, а вспоминал иногда их запах и вкус. Они-то и натолкнули его на мысль о смене образа жизни. Не наткнись он тогда на старушку с беляшами – и к слабоумия бы никакого не случилось, вернее случилось бы рано или поздно, но отнюдь не искусственное, а всамделишнее. Да-с! И прибора бы никакого не изобрёл.

Вопрос куда податься в пятницу вечером, отпал сам собой. Виктор спустился в метро и поехал на Владимирскую. Выйдя на поверхность и увидев ту самую старушку возле собора, на том же самом месте, что и полгода назад, он совер-

шенно не удивился, а воспринял это как должное.

– Здравствуйте, бабушка! – вежливо поздоровался он, – вы, наверное, меня не помните... Я у вас беяши под рождество покупал...

– Как же не помнить, молодой человек, вы у меня последние взяли. А я тут по вашей милости, давно вас поджидаю.

– Меня?

– Именно вас.

– Интересно... А что, беяшами теперь не торгуете?

– Ну что вы, молодой человек! Беяши только во время поста печь можно, иначе не получатся. Сейчас никакого поста нет. Я что пришла-то – сон мне был.

– Опять преподобный Серафим являлся?

– Он самый. И не один! С другом приходил...

– Да неужели? С каким таким другом?

– Я его не знаю. Какой-то мужчина с бородой. Всё нашёптывал Серафиму на ухо что-то, а тот смеялся. Так вот, приятель их, велели передать, что они там все очень довольны вами. А Серафим сказал, что вы их здорово повеселили. Говорит, все очень смеялись, когда вы своей штукой баловались...

– А они что там, наблюдают за нами?

– Ещё как! У них там что-то вроде телевизора есть, и они смотрят на нас.

– Ничего себе! – удивился Виктор, – никогда бы не подумал. Улыбнитесь – вас снимает скрытая камера! А можно

привет передать? – с ухмылкой произнёс он и, задрав голову вверх, помахал невидимым зрителям рукой.

– Не богохульствуйте, молодой человек.

– Прошу прощения.

– Так вот, преподобный Серафим сказал... Передаю дословно: они повышают ваш статус до адепта, и вы переходите сразу аж на четырнадцатый уровень. Что это значит, они не пояснили. Разбирайтесь уж сами. У меня всё. Ну? Я пошла?

– Больше ничего не говорили?

– Нет. Я вам всё передала, как было велено. До свидания, молодой человек, пойду я...

– Большое спасибо вам. Всего доброго.

Виктор шагал по улице переваривал только что услышанное от старушки. «Ха! Ну надо же, ещё утром у меня вообще не было никакого статуса и уровня, а теперь я вдруг становлюсь адептом аж четырнадцатого уровня! Круто! Только что это значит? Походу они в нас как в компьютерную игрушку рубятся... Мы что – персонажи чей-то компьютерной игры? Не хотелось бы... А уж если деваться некуда, то придётся и дальше повышать статус и переходить на всё более высокие уровни».

Придя домой, Виктор, с грустью посмотрел на дощечку над своей кроватью с надписью «Зона свободная от фото и кинохроники». Вздыхнул и снял со стены. – Надобности в ней теперь никакой не было.

– Что ж, крутые у меня нарисовались подписчики – ничего не скажешь. Пусть себе смотрят. Бог с ними. Ну, а мы не подведём – что-нибудь изобретём! – произнёс он, ухмыляясь, достал сигарету и вышел на балкон.

27 января 2023 г.

По ту сторону экрана

Как-то раз воскресным вечером я вдруг решил сходить на концерт. В кои-то веки, ни с того ни с сего. Совершенно спонтанное решение. Что ж! «Заданье дадено – деревня взядена»! – Как говорили партизаны. Я быстро собрался и вышел. Намного раньше, чем следовало бы. Просто решил прогуляться. Не спеша, пешочком, – продлить предвкушение прекрасного, так сказать. Да и погода располагала: тёплый июльский вечер, полный штиль, и на небе ни облачка. Но вот какая штука получилась: по мере приближения к месту проведения культурного мероприятия, желание потолкаться возле сцены в душном маленьком клубе заметно побавилось. Более того, я даже поймал себя на мысли, что совершенно не хочу оказаться в толпе оголтелых любителей самодеятельности под зубодробительный гитарный скрежет. Душа предательски требовала тишины и уединения! Что же делать? Прямо безвыходная ситуация! Отступать я не привык. Мне просто позарез требовалась железная отмазка! Да, там будет множество интересных людей, не спорю. Всё-таки какое-никакое, а общество. Некогда близкие мне по духу люди. Было время, я и сам тряс перед микрофоном подбород-

ком. Что же произошло? А вот что – я уже давно сформулировал для себя, что лучше писать весёлые рассказы, нежели грустные и тяжёлые песни!

Но мне же надо обозначить причину неявки – архиважительную, железную. Хотя бы для себя, для успокоения совести. Выражение «просто передумал идти на концерт» тут явно не подходит! – Это уж совсем! Наивно до безобразия! И чтобы членораздельно сформулировать отмазку, может быть, даже тезисно, я решил заглянуть в винный погребок. Занял столик в углу и заказал красного вина на пару бокалов. Пока ждал заказ задумался над тем, что же теперь для меня значит это близкое когда-то по духу общество. «Да ничего! Что мне оно? – пожал я плечами, – мало ли что было раньше, сейчас я сижу тут в одиночестве, жду, когда принесут вино...А! Вот и несут уже».

Мне принесли графинчик с вином и бокал. Я тут же налил себе полный и ополовинил. «И потом, почему это в одиночестве? – продолжал я ход своих мыслей, – со мной же всегда незримо присутствуют мои персонажи, герои моих рассказов, которые давно уже живут своей жизнью. И наблюдать за их приключениями куда интересней, чем пытаться притянуть за уши близкую мне когда-то рок-н-рольную эстетику. Ведь сейчас я в заведомо выигрышном положении! Чувство одиночества мне не грозит – оно мне в принципе не знакомо»!

Я добил остатки вина в бокале, налил из графинчика по новой и вышел на воздух. И только я закурил, как увидел Василия – персонажа нескольких моих рассказов. Сказать, что я обрадовался – это ничего не сказать. Преградив ему дорогу, я театрально раскинул руки в приветствии:

– Ба! Василий, ты ли это!?

Тот резко остановился, поднял на меня глаза и удивлённо отступил на полшага:

– Господин Автор! Здравствуйте! Рад вас видеть! А я вот с делами разобрался... Кручусь-верчусь... Да что это я? Вы и сами всё знаете! – улыбнулся смущённо он, – ой, смотрите-ка, кто к нам приближается! Вот это да! Как тесен мир!

Я оглянулся и увидел идущую навстречу парочку. – Людмилу под ручку со Стасиком! Он увлечённо что-то объяснял супруге, а та изумлённо хлопала глазами в ответ.

– Кого я вижу! Друзья мои! И вы здесь! – шагнул я навстречу.

– Ах, боже мой! Господин Автор! А мы вот тут прогуливались! – вскинула руки Людмила. Стасик в приветствии склонил передо мной голову, и увидев рядом Василия, хитро подмигнул ему. Людмила подчёркнуто натянуто улыбнулась приятелю мужа. Она не любила, когда они встречаются, Василий, по её мнению, плохо влиял на Стасика.

– Друзья мои! Раз уж всё так удачно совпало, то мы немедленно должны спуститься в этот волшебный погребок, дабы пить хорошее красное вино в больших количествах! Я наста-

иваю! – пригласил я жестом своих персонажей. Стасик тут же воссиял и заулыбался, как кот в предвкушении сметаны. Людмила ткнула мужа локтем в бок, тот послушно прекратил сиять и спрятал кошачью улыбку.

Мы спустились в погребок и расположились за моим столиком. Я заказал ещё вина и фруктов.

– Ну что, друзья мои, рассказывайте, как поживаете? – разливал я вино по бокалам.

– Живы-здоровы, господин Автор, вашими стараниями, – благодарно пропела Людмила, – только вот у Стасика опять на работе проблемы...

– Ну Люда! – недовольно зашипел на жену Стасик, – господину Автору, наверное, не интересно слушать про какие-то там глупости. Не обращайтесь внимания, господин Автор, вздор всё это...

– Нет-нет, господин Автор, не вздор! Он совсем спать перестал! Похудел даже! – пожаловалась Людмила, -подскажите, пожалуйста, очень просим.

Я откинулся на спинку стула и заговорил:

– Я ещё в детстве придумал такой способ. Надо представить, что ты находишься внутри телевизора. По ту сторону экрана, вроде говорящей головы. И ты с любопытством взираешь на мир изнутри ящика. А телевизор этот стоит на некой возвышенности. Ну, скажем, на красивом зелёном холме. А там внизу, по ту сторону экрана кипит жизнь, идёт повседневная возня, непрерывное копошение, как в мура-

вейнике. А на небе ходят тучки, но иногда проглядывает яркое и ласковое солнышко. Так вот, надо представить себе, что тучки расходятся именно над тем местом, где обитает ваша проблема, и его ослепительные лучи бьют с неба прямо по ней, освещая её со всех сторон. И уверяю вас, проблема, над которой вы бились чёрт знает сколько, уже не покажется вам такой уж неразрешимой. Уж поверьте мне. Я так в школе задачки по математике решал – щёлкал как орешки. Бывало, сидишь-сидишь, лоб морщишь, а решения всё нет. А потом посмотришь на неё с экрана – и она уже не кажется тебе непреодолимой преградой. Ничего чудовищного и зловещего в ней нет. Да просто – тьфу! Детский сад какой-то! Раз! – И решение готово! А когда стал чуть постарше, я припривык и радугу представлять над всем этим. Для эстетического удовольствия, так сказать. Тут уже приходило в голову сразу множество решений – одно изящней другого! Попробуйте как-нибудь, не пожалеете. Это работает.

– А телевизор был типа этого? – Людмила кивнула на висющую над стойкой бара большую панель телевизора. Не могу себя представить запертой в этом прямоугольнике... – горя любопытством, уставилась она мне прямо в рот.

– Ну что вы, тогда таких ещё не придумали. И потом панель – она же плоская! В отличие от нашего мира. Нет, тут нужен именно старый, лучше всего чёрно-белый! С ручным переключением. Обычный ящик с выпуклым экраном, деревянный корпус на чёрных ножках. Жутко тяжёлый. И вот

стоит такой ящик на вершине живописного холма на травке, а внизу – мир со всеми его прибабасами. Тамвайчики там бегают, машины снуют туда-сюда... Да... И лучи солнца пробиваются из-за туч. Но быют по проблеме они вовсе не агрессивно, не испепеляют, а как-бы обволакивают её своим светом, выделяя и подчёркивая её на фоне окружающего пасмурного пейзажа. Очень живописная картина получается!

– Ага, понял. Это как смотреть через оптический прицел: вот она проблемка – прямо как на ладони, такая беззащитная. Стоит лишь нажать на курок. – подхватил Стасик, вытирая запястьем губы.

Василий залпом осушил свой бокал и многозначительно улыбнулся:

– Ну зачем же так кровожадно? Я вот, например, приноровился через аквариум с рыбками. Представляете, господин Автор, большой такой прямоугольный аквариум с зелёными водорослями, а между ними чинно плавают золотые рыбки. Ты смотришь сквозь него, а вода как линза всё увеличивает, и отблески от золотых рыбок... Просто магия! Золото мелькает сквозь зелень и, конечно, вселенское спокойствие плюс мягкая влажная радость...

– Оригинально, Василий! Я и не подозревал, что ты на такое способен. Надо взять на заметку, учту. Да, и хватит меня господином Автором уже величать! Чай не чужие! Давно сотрудничаем, вот и вино сидим пьём, причём в больших ко-

личествах. Можно просто по имени отчеству, идёт? Ну вот и отлично!

– Как-то непривычно нам... – заёрзали на стульях мои персонажи, – Сергей Владимирович. – по очереди произносили они моё имя. Будто дети, которые первый раз в жизни вслух произнесли матерное слово при взрослых. И над нашим столиком заискрилось всеобщее ликование.

– Видите? Ничего сложного в этом нет! Мне больше не за чем шифроваться, – улыбнулся я, – когда-то я пригласил вас в этот мир, но мы уже слишком долго идём по жизни рука об руку. Наш союз – суть круговая порука! Вот Василий, например, появился первым. Я многому у него поднабрался. Мы – adeпты некого тайного общества, учения, если хотите. Ты, Василий, изначально был adeптом, потом и меня втянул.

– А я? Я тоже adeпт? – поднял Стасик осоловевшие глаза.

– Пока нет. Но это поправимо. Вот пить закончим и посвятим тебя в adeпты, ты как? В состоянии?

– Всегда готов! – отсалютовал правой рукой Стасик, наваяв резкость.

– А я? А как же я? – взмолилась Людмила.

– Людочка, у тебя другая функция, не менее важная, а, может быть, даже более значимая. Ты – якорь! А ты Стасик, должен за неё держаться. А то унесёт тебя к чёртовой матери, без неё ты просто щепка в океане. Василий специально подогнал для Люды учебные пособия по шаманизму. Ты, Люда, как проводник в лесу. Стасик без тебя заблудится, ему

поводырь нужен. По всем трём с половиной мирам. А половинный мир, Людочка, кроме тебя вообще никому из нас недоступен. Ну и контроль, конечно. Шаманесса Людмила и микрозавр Стасик! Звучит как музыка! Веселить людей – дело, конечно, хорошее, Стасик, но пора уже повзрослеть. Быть тебе адептом сегодня же! – стукнул я кулаком по столу. И тут же осёкся.

«Интересно, каким же это образом я буду посвящать его в адепты? Я же понятия не имею, как это делается. Это всё вино, – напряжённо думал я, – ну да ничего, как-нибудь выкручусь, отдамся в руки провидению, так не бывает, чтобы я да не выкрутился».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.